

СОДЕРЖАНИЕ

Вегетарианка.....	5
Монгольское пятно	95
Пламя деревьев.....	213

채식주의자

Вегетарианка

Пока жена не стала вегетарианкой, мне и в голову не приходило, что она какая-то особенная. Если говорить начистоту, при первой встрече я не нашел в ней ничего привлекательного. Не высокого и не маленького роста, не длинная и не короткая стрижка, желтоватого оттенка сухая кожа, обычные глаза, немного выступающие скулы, одежда блеклых тонов — словно страх выразить свою индивидуальность мешал ей выбрать яркие цвета. Она подошла ко мне, ожидавшему ее за столиком в кафе, в черных туфлях самой простой модели. Подошла не быстрой и не медленной, не смелой и не тихой походкой.

В ней не было изюминки, однако и особые недостатки не бросались в глаза, и поэтому она стала моей женой. Мне не приходило в голову

искать хоть какой-то намек на изящество, или изобретательность, или оригинальность, но меня вполне устраивал ее скромный характер. Для того чтобы понравиться ей, я не притворялся умным и образованным, не дергался, опаздывая на встречу с ней, не маялся, невольно сравнивая себя с мужчинами из модных журналов: причин для этого не было. Мне не пришлось особо нервничать ни по поводу живота, начавшего выпирать еще до тридцати, ни по поводу тонких ног и предплечий, при всем моем старании не желавших обрастать мускулами, ни по поводу маленького члена — источника моего тайного комплекса неполноценности.

Так уж я устроен, что мне никогда не нравилась чрезмерность, в чем бы она ни проявлялась. В детстве я ходил петухом, играя роль предводителя дворовой шпаны младше меня на два-три года; когда вырос, поступил в тот университет, где мог без усилий получать стипендию, а затем вполне довольствовался пусть небольшим, но стабильным жалованьем в маленькой фирме, где высоко ценили мои отнюдь не выдающиеся способности. Поэтому и женитьба на самой что ни на есть непримечательной с виду женщине стала для меня естественным

выбором. Те, кого называли красивыми, или умными, или вызывающе сексапильными, или дочери богатого папеньки, изначально представлялись мне существами, с кем не оберешься хлопот, не более того.

Оправдав мои ожидания, она без всякой суеты выполняла обязанности заурядной жены. Каждое утро просыпалась ровно в шесть, варила рис, суп, поджаривала кусок свежей рыбы и подавала на стол; кроме того, имея опыт подработки еще со студенческих лет, вносила свою лепту в наш семейный бюджет. Уже год она, устроившись почасовиком, преподавала в каком-то институте, где обучают компьютерной графике, а еще подвизалась на ниве комиксов, выполняя дома работу для издательства: вставляла в «словесные пузыри» речь персонажей рисованных историй.

Жена была молчаливым человеком. С просьбами обращалась ко мне редко и, как бы поздно я ни возвращался с работы, не интересовалась почему. Иногда у нас совпадал выходной, но даже в такие дни она не просила меня куда-нибудь ее сводить. Каждый вечер, пока я с пультом в руке валялся у телевизора, жена торчала в своей комнате. Должно быть, занималась там

своими комиксами или читала — если и было у нее какое-то увлечение, так всего лишь чтение, да и то почти все ее книги выглядели настолько скучными, что не вызывали никакого желания открыть и полистать, — и выходила только ко времени обеда или ужина, чтобы молча приготовить еду. В самом деле, жизнь с такой женой точно не назовешь интересной. Но я благодарил небо за то, что мне досталась не такая, что с утра до ночи сидит на телефоне, то и дело отвечая на звонки коллег и подруг, и не такая, что время от времени пилит мужа и устраивает крикливые семейные разборки: очень уж меня утомляют такие женщины.

Если и была какая-то особенность у жены, так это ее нелюбовь к бюстгальтерам. В наш короткий и пресный период ухаживания однажды я случайно положил руку ей на спину и, не ощутив под свитером бретелек, пришел в возбуждение. Может, она подает мне некий молчаливый знак, подумал я и, чтобы понять, какой именно, стал наблюдать за ее поведением другими глазами. И выяснил: ничего она мне не подает, у нее и в мыслях нет никаких знаков. Но если это не знак, то что: лень или безразличие? Я не мог понять. Пышной грудью она по-

хвастаться не могла, и, по правде, стиль «po bra» совсем ей не шел. Уж лучше бы она носила бюстгальтеры, заполненные поролоном, и я мог бы возвыситься в глазах друзей, показывая им будущую жену.

С первых же дней после свадьбы она ходила по дому без лифчика. Только летом, отправляясь куда-нибудь по делам, заставляла себя надевать его, да и то чтобы под одеждой не выступали пуговицы сосков. Однако не проходило и часа, как она расстегивала крючки. В светлой тонкой блузке или облегающей кофточке такая вольность оказывалась заметной, но ее это не заботило. На мой упрек она сравнила бюстгальтер с жилеткой, натянутой в жаркий душный день. И в оправдание добавила, что не может терпеть, когда сдавливается грудь. Что касается меня, то мне не доводилось носить эту деталь дамского туалета, поэтому и знать не дано, насколько в нем тяжело дышится. Однако убедившись, что другие женщины не кажутся ненавистницами бюстгальтера, как она, я засомневался в такой повышенной чувствительности.

А все остальное меня в ней устраивало. Пошел уже пятый год нашей совместной жизни,

но поскольку пылкой любовью мы никогда не страдали, то ни особых разочарований, ни усталости друг от друга не чувствовали. До прошлой осени, пока квартира не стала нашей собственностью, мы не планировали обзаводиться детьми, но потом я начал подумывать, не пора ли и мне услышать слово «папа». До того раннего февральского утра, когда я увидел жену, стоящую на кухне в ночной сорочке, мне трудно было даже вообразить, что наша жизнь может хоть как-то измениться.

— Ты чего там стоишь? — спросил я, собираясь зажечь свет в ванной. Кажется, до рассвета еще час-другой оставался. Из-за полутора бутылок сочжу*, выпитых вечером в компании сослуживцев, я проснулся от переполненного мочевого пузыря и с пересохшим горлом.

— Не слышишь, что ли? Что ты там делаешь?

Я поежился от холода и посмотрел на нее. Сон пропал, я протрезвел. Она стояла как вкопанная, не сводя глаз с холодильника. Выражение лица жены, стоящей вполоборота, скрывала темнота, но вся ее фигура действовала на меня как-то угнетающе. Некрашенные густые

* Сочжу — корейская водка.

черные волосы взъерошились и торчали во все стороны. Как всегда, край белой ночной сорочки, доходящей до лодыжек, свернулся трубочкой и казался немного приподнятым.

По сравнению со спальней на кухне было довольно холодно. Обычно жена, любившая тепло, спешила накинуть кофту и сунуть ноги в меховые тапочки. Интересно, и давно она так стоит: босиком, в тонкой ночнушке, которую носила с весны до зимы? Стоит как истукан, с таким видом, будто ничего не слышит. Кажется, на месте холодильника стену подпирает невидимый глазу человек или, может быть, какой-то дух. Неужели она стала лунатиком? Где-то мне приходилось слышать об этой болезни.

Я подошел к жене, глядя на ее профиль, непроницаемый, как у каменного изваяния.

— Почему ты стоишь здесь? Что с тобой?..

Моя рука легла ей на плечо, и неожиданно для меня прикосновение совсем ее не испугало. Должно быть, она не потеряла разум и осознавала все: что я вышел из спальни, задал вопрос и даже то, что подошел к ней. Просто всему этому не придавала значения. Как бывало иногда, когда, поглощенная телесериалом, ко-

торый шел по ночам, она, даже услышав щелчок замка входной двери, не реагировала на то, что я вернулся домой. Но что могло так завладеть ее вниманием в четыре утра на темной кухне перед белесой дверью холодильника объемом четыреста литров?

— Послушай, дорогая!

В темноте проступило ее лицо. Таким я видел его впервые: холодный блеск в глазах, плотно сжатые губы.

— ...Я видела сон.

Голос прозвучал четко.

— Сон? О чем ты? И вообще, ты знаешь, который час?

Она отвернулась от меня и медленно двинулась в спальню. Переступив через порог, вытянула руку назад и тихо закрыла дверь. Я остался в темной кухне один, стоял и смотрел на эту дверь, за которой скрылась белая фигура жены.

Включил свет и вошел в ванную. В последние дни температура на улице держалась около десяти градусов ниже нуля. Несколько часов назад, принимая душ, я забрызгал резиновые шлепанцы, и они до сих пор оставались холодными и влажными. От черной дырки вентиля-

тора над унитазом, от пола и белого кафеля на стенах исходило ощущение печали и одиночества, навеянное холодной зимой.

Войдя в спальню, я не услышал никаких звуков с той стороны, где, свернувшись калачиком, лежала жена. Мне даже показалось, что в комнате, кроме меня, никого нет. Конечно же, я заблуждался. Прислушался и едва расслышал тихое дыхание. Однако спящий человек дышит иначе. Стоило только протянуть руку, и я нащупал бы теплое тело. Но почему-то я не смог дотронуться до нее. И говорить с ней совсем не хотелось.